

В. В. Мальцев, О. В. Стрилец

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье анализируются содержание Уголовного кодекса Российской Федерации, опыт законодательных изменений и практика применения норм его Общей и Особенной частей. Авторами представлена собственная позиция относительно вариантов совершенствования уголовного законодательства в современной российской действительности.

Ключевые слова: уголовное законодательство; обстоятельства, исключающие преступность деяния; наказания; значительный ущерб; взяточничество.

V. V. Maltsev, O. V. Strilets

THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS, AND PROSPECTS

The article focuses on the content of the Criminal Code of the Russian Federation, the experience of legislative changes, and the practice of application of standards of its General and Special Parts. The authors represent their own position regarding different versions of improving the criminal legislation in the current Russian reality.

Keywords: criminal legislation, circumstances excluding the criminality of a deed, punishment, essential damage, bribery.

Уголовный кодекс Российской Федерации, принятый Государственной думой 24 мая 1996 г. и вступивший в действие с 1 января 1997 г., представляет собой качественно новый этап развития российского уголовного законодательства, обусловленный провозглашением России «социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ч. 1 ст. 7 Конституции России от 12 декабря 1993 г.). Поскольку в Конституции «нашли свое признание и нормативное закрепление все три основных компонента (аспекта, характеристики и свойства) правовой государственности — гуманитарно-правовой (права и свободы человека и гражданина), нормативно-правовой (конституционно-правовая природа и требования ко всем источникам действующего права) и институционально-правовой (система разделения и взаимодействия властей)» [1, с. 372, 373], все аспекты правовой государственности были весьма надежно защищены уголовным законом. При этом УК РФ, несомненно, был направлен на охрану не только тех ценностей, которые закреплены в Конституции 1993 г., но и в соответствии с тем

значением, которое им там придано. С учетом же того, что Кодекс был подготовлен под многоаспектным и всепроникающим («сквозным») влиянием конституционных норм, в целом его создание — безусловный успех законодателя и уголовно-правовой науки.

Принятие УК РФ знаменует собой и достижения частного теоретико-прикладного характера — определение круга принципов уголовного законодательства: законности (ст. 3), равенства граждан перед законом (ст. 4), вины (ст. 5), справедливости (ст. 6) и гуманизма (ст. 7); социально-содержательного понятия преступления и его категорий (ст. 14, 15); форм и видов вины, невиновного причинения вреда (ст. 24—28); норм о неоконченном преступлении и добровольном отказе от преступления, о соучастии в преступлении (ст. 29—36); понятия и целей наказания, общих и частных начал его назначения, оснований и условий освобождения от уголовной ответственности и наказания, особенностей уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних (ст. 43, 60, 66, 67, 75—78, 88, 90, 91, 94—96). Особенная часть по своему содержанию и структуре в подавляющем большинстве норм была адекватна Конституции

РФ, российским социально-экономическим условиям.

Вместе с тем при обращении к содержанию УК РФ и анализе опыта его законодательных изменений и практики применения норм Общей и Особенной частей нельзя не учитывать, что с позиций 1996 г. это уже существенным образом обновленный правовой акт. Во всяком случае, в него внесено в несколько раз больше изменений (чем те же 700, послужившие одним из поводов отмены предыдущего Кодекса), чем в УК РСФСР 1960 г. за 26 лет его действия. Причем обнаруживается ряд разнохарактерных тенденций этих изменений, которые, однако, все без исключения объединялись в рамках задачи совершенствования уголовного законодательства. Если кратко, то эти тенденции можно обозначить примерно так: 1) направленная на повышение адекватности уголовно-правовых норм реальным формам общественно опасного поведения; 2) направленная на устранение ошибок в уголовном законодательстве; 3) возникающая при преувеличенной или уменьшенной оценке общественной опасности тех или иных деяний; 4) проявляющаяся в представительстве интересов отдельных социальных групп, граничащая с лоббизмом и коррупцией.

Адекватность уголовного законодательства социально-экономическим реалиям предполагает, по меньшей мере, разрешение проблем двоякого рода. Первая часть вопросов связана с научно обоснованным установлением фактической стороны совершаемых общественно опасных деяний, а именно: с определением их объективных и субъективных признаков, выявлением действительной меры опасности деяний для социума. Вторая часть вопросов обусловлена необходимостью обеспечения точного юридико-технического отображения выявленных криминогенных реалий в уголовно-правовых нормах, т. е. применительно к нормам Особенной части УК РФ — адекватному закреплению фактической стороны совершаемых посягательств в диспозициях и санкциях соответствующих норм.

1. Так, произошедшие в начале 1990-х гг. в России изменения социального строя и обострение социальных конфликтов, так или иначе связанных с массовым проявлением терроризма, едва ли дали возможность законодателю сразу же в УК РФ 1996 г. наиболее точно и полно отразить новые виды общественно

опасных деяний в сфере экономической деятельности, адекватно ответить на взрыв терроризма [2]. Поэтому показательным то, что фактически к первым в УК РФ относятся изменения ст. 189 (незаконный экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники), ст. 194 (уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица), ст. 198 (уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица), ст. 199 (уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации) [3, с. 81—86], ст. 205 (террористический акт) [4, с. 104—107]. Потому в основе первой тенденции находятся причины объективного свойства: отставание законодательства от социально-криминогенных реалий общественного развития.

2. Вторая тенденция обусловлена обстоятельствами субъективного свойства: законодатель и (или) уголовно-правовая наука при объективной возможности конструирования адекватных социальной действительности норм ошибочно или без должного теоретического обоснования формулирует таковые. Примером последнего рода могут послужить нормы о принципах уголовного законодательства (ст. 3—7 УК РФ). При всей исключительной важности и безусловной адекватности установления круга основных идей уголовного права попытку определения их содержания посредством законодательных дефиниций признать до конца успешной нельзя [5, с. 133—246; 6, с. 64—85]. Главная же причина этого — крайне ограниченное наличие теоретических исследований по данной теме в дореформенном уголовном праве. Уже после принятия УК РФ пришлось исправлять ошибки, обнаруженные в ст. 12 (действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации), ст. 24 (формы вины) [7, с. 46—54], ст. 35 (совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)), ст. 37 (необходимая оборона), ст. 57 (пожизненное лишение свободы), ст. 61 (обстоятельства,

смягчающие наказание) [8, с. 62—68], ст. 62 (назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств) [9, с. 33—35], ст. 73 (условное осуждение), ст. 75 (освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием), ст. 76 (освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим) и в большом количестве статей его Особенной части.

3. На третью и четвертую тенденции обратил внимание В. В. Лунеев, заявивший, что «наше уголовное законодательство развивается не на основе науки» и его «большинство новелл было обусловлено политическими соображениями или коррупционным лоббизмом» [10, с. 108]. Так, преимущественно политическими соображениями или, по-другому, «рефлексией властей» [10, с. 108] можно объяснить появление в УК РФ норм, предусмотренных ст. 282-1 (организация экстремистского сообщества), ст. 282-2 (организация деятельности экстремистской организации), с квалифицирующими признаками типа «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» (ч. 2 ст. 116, 119; ч. 1 ст. 213; ч. 2 ст. 214) [11, с. 38—49].

4. Понятно, что определить, как сейчас говорят, лоббистскую либо коррупционную составляющую изменений в уголовно-правовых нормах («схватить за руку») в современных условиях законодательного процесса едва ли вообще возможно. Тем не менее некоторые нормы настолько ярко представляют интересы отдельных социальных групп, что сомневаться в их наличии не приходится. Так, уже в июне 1998 г. вместе с вполне оправданными изменениями в нормах о преступлениях в сфере экономической деятельности с 16 до 14 лет был понижен возраст потерпевших от деяний сексуальной направленности. Существовавший максимум наказания (до четырех лет лишения свободы) за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 14-летнего возраста, и указание в диспозиции ст. 134 УК РФ на заведомую осведомленность о недостижении этого возраста у сексуального партнера взрослого лица без преувеличения превратили тогда Россию в рай для педофилов всего мира, колоссально обогатив при минимуме риска организованную

преступность в сфере предоставления сексуальных услуг [12]. Очевиден интерес у богатейших и криминальных слоев населения страны соответственно к отмене конфискации имущества как вида наказания (ст. 52 УК РФ) и выхолащиванию содержания ст. 68 УК РФ (назначение наказания при рецидиве преступлений), который и был реализован Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

Разнохарактерные тенденции, заложенные в огромный массив нового законодательного материала, создали основу для эклектического восприятия УК РФ. А это в еще большей степени осложнило выполнение и без того трудной задачи по его действительному совершенствованию, повышению эффективности охраны общественных (подчеркнем, единых общероссийских, а не отдельных социальных групп) интересов на основе принципов справедливости, равенства, гуманизма и законности. Количество проблем, существующих в этой сфере, вполне сопоставимо с множеством уголовно-правовых новелл. Поскольку даже общую их характеристику в рамках настоящей статьи дать невозможно, ограничимся лишь некоторыми из них, разрешение которых уже сейчас при наличии желания законодателя может послужить выполнению указанной задачи.

Обстоятельства, исключаящие преступность деяния (гл. 8 УК РФ), на самом общем уровне соотносятся с объектом охраны, посягательства на который обуславливают и общественную опасность, и преступность всякого поступка человека. Поэтому и гл. 8 следует переименовать и озаглавить так: «Общественно полезные деяния, обеспечивающие интересы личности, общества и государства». Предлагаемое переименование обстоятельств, исключаящих преступность деяния, не только адекватно отразит действительное положение вещей, где сами по себе обстоятельства: необходимая оборона (ст. 37), крайняя необходимость (ст. 39), задержание лица, совершившего преступление (ст. 38), и обоснованный риск (ст. 41) — лишь условия для общественно полезной деятельности людей по сохранению социально значимых общественных отношений; выразит общественно полезное содержание этих деяний, устранив весьма обидную для мужественных, смелых, а

иногда и героических поступков граждан их уголовно-правовую оценку как «исключающих преступность» (вроде бы не преступник, «не сидишь» — скажи и за это «спасибо» государству), но и резко повысит гуманистический потенциал соответствующих норм, сделает такое поведение для граждан более привлекательным, может быть, избавит их и от имеющих еще реальную основу опасений: не стать за указанные деяния жертвой судебной ошибки. Ведь если большинство людей в критических ситуациях, предусмотренных ст. 37, 38, 39, 41 УК РФ, встанут на защиту интересов личности, общества и государства, эффективность обеспечения этих интересов в уголовном праве повысится многократно. Однако для этого надо сделать так, чтобы граждане не боялись уголовного закона и суда, больше чем преступников и разного рода опасностей, чтобы они верили, что всегда «белое» будет названо «белым», а «черное» — «черным», что за их благородные деяния не будет обвинительной неблагодарности от государства.

К сожалению, на протяжении десятилетий в этом плане и в законодательстве, и в судебной практике меняется мало. Касаясь необходимой обороны, нельзя не заметить, что того же добивался и законодатель, неоднократно уточнявший законами от 14 марта 2002 г. № 29-ФЗ, 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ и 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ содержание ст. 37 УК РФ. Так, из ее части первой («Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия») следует, что «если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни», то лишение жизни посягающего допустимо, справедливо и законно. Между тем возникает вопрос, а как быть, если такое посягательство создает опасность для здоровья или направлено против свободы личности либо половой свободы и неприкосновенности? Надо ли жертвам дожидаться, пока, к примеру, муж, неоднократно до этого «просто» избивавший жену, начнет ее калечить или убивать; либо лицо,

похищаемое группой преступников, которое внешне может вообще показаться «встречей старых друзей», определяют по месту предполагаемого нахождения: подвал, клетку, яму либо какое-нибудь другое специально оборудованное помещение; наконец, женщина или подросток при обстоятельствах, в общем не угрожавших их жизни, будет изнасилована или против него будут совершены насильственные действия сексуального характера? Возможна ли в такого рода ситуациях защита указанных социальных благ путем лишения жизни посягавших?

Думается, да. Справедливым было бы включение важнейших после жизни социальных благ личности: здоровья, личной свободы, половой свободы и неприкосновенности в ч. 1 ст. 37 УК РФ, ведь нынешняя ее редакция лишь «уравнивает» жизнь жертвы с жизнью преступника, на нее посягнувшего, и не более того. Между тем необходимо, чтобы с жизнью преступника были «уровнены» и другие наиболее ценные блага личности. Тогда хоть в какой-то мере можно будет говорить о справедливом приоритете прав обороняющегося над правами посягающего. Когда последний (муж, посягнувший на здоровье жены, похититель человека или насильник) будет реально осознавать, что в любой момент с начала посягательства он может быть лишен жизни, что законом это разрешено, тогда, возможно, и в его сознании произойдет определенный переворот, и на место преступному куражу придет страх за свою жизнь. Жертвы же, может, и не станут больше так опасаться встреч с законом, следствием и судом, как сейчас.

С учетом сказанного предлагается следующая редакция ч. 1 ст. 37 УК РФ:

1. Общественно полезным признается причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни, здоровья, личной свободы, половой неприкосновенности или половой свободы обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой такого насилия.

Кроме того, в ч. 1 ст. 38, 39, 41 УК РФ вместо

слов «не является преступлением» включить слова «общественно полезным признается»; ст. 40 (физическое или психическое принуждение) и ст. 42 (исполнение приказа или распоряжения) как избыточные и не отражающие содержание системы обстоятельств, исключающих преступность деяния, из Уголовного кодекса исключить, а гл. 8 УК РФ озаглавить таким образом: «Общественно полезные деяния, обеспечивающие интересы личности, общества и государства» [13, с.150—168].

Общественно опасные свойства субъекта преступления — это готовность лица к совершению преступления, его антиобщественная направленность, антиобщественная либо преступная установка, объективные способности лица к совершению преступления — вроде бы, всецело находясь в сфере личности преступника и потому в качестве дополнительных признаков специального субъекта признанными быть не могут. Это так, однако именно они являются «движущей силой» любого общественно опасного деяния и в конечном счете обуславливают характер и степень общественной опасности всякого совершенного в действительности преступления. До совершения субъектом преступления эти признаки неуловимы для отражения их в нормах уголовного закона и потому не могут быть применены.

Между тем, будучи реализованными в совершенном преступлении, они обретают общественную значимость и становятся пригодными для выражения в уголовном законе. Из всех ранее существовавших признаков подобного рода («повторность», «неоднократность», «судимость», «особо опасный рецидив», выступавших в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков составов преступлений) остались лишь в Общей части УК РФ рецидив преступлений (ст. 18) и судимость (ст. 86), тогда как антиобщественные свойства преступника, которые раз за разом приводят его к совершению преступлений, сейчас не получают достойной оценки законодателем. Более того, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ сколько-нибудь повышенная ответственность рецидивистов фактически была упразднена, ибо указание в ч. 2 ст. 68 УК РФ на то, что «срок наказания при любом виде рецидива не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее

строгого вида наказания», скорее может относиться к лицам, впервые совершившим преступления, при выводе суда о невозможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, чем к рецидивистам, опасным и особо опасным рецидивистам, в число которых входят и лица, упорно не желающие встать на путь исправления, и «авторитеты» разных мастей, «воры в законе», т. е. и лица, «занимающие высшее положение в преступной иерархии» (ч. 4 ст. 210 УК РФ). Последние, кстати, лишь за организацию преступного сообщества или участие в нем наказываются «лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет или пожизненным лишением свободы» (ч. 4 ст. 210 УК РФ). Судимость же, особенно после закона от 8 декабря 2003 г., исключившего ее из числа квалифицирующих признаков отдельных видов преступлений, изначально, помимо вхождения некоторых ее видов в понятие «рецидив преступлений», каких-либо серьезных последствий для судимых лиц и не влекла.

Потому вызывает удивление, в какой исключительно выгодной, пожалуй, даже в истории российского уголовного законодательства уникально благоприятной ситуации оказались сейчас привычные и профессиональные преступники всех рангов. Остается надежда на то, что федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ, дифференцировавший и максимально усиливший ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) — ст. 210 УК РФ, — это лишь начало процесса восстановления уголовно-правовых основ борьбы с преступностью неоднократно судимых лиц и рецидивистов. Ведь по действующему уголовному законодательству совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, или лицом, имеющим непогашенную судимость, не может учитываться при назначении наказания даже в качестве его отягчающего обстоятельства. Положение это близко к абсурду, если смотреть на него со стороны законопослушных граждан и потерпевших от этих «неучитываемых» преступлений.

Представляется весьма обоснованным и вполне справедливым включить в норму о назначении наказания при рецидиве преступлений и положение о назначении наказания при наличии у лица судимости, изложив ее в такой редакции:

«Статья 68. Назначение наказания при

судимости и рецидиве преступлений

При назначении наказания при судимости, рецидиве, опасном рецидиве или особо опасном рецидиве преступлений учитываются характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характер и степень общественной опасности вновь совершенных преступлений.

Срок наказания при судимости не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Срок наказания при рецидиве преступлений не может быть ниже половины максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, при опасном рецидиве преступлений — не менее двух третей, а при особо опасном рецидиве преступлений — не менее трех четвертей максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

При назначении наказания при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 62 настоящего Кодекса, наказание при судимости, рецидиве, опасном рецидиве или особо опасном рецидиве преступлений может быть назначено без учета правил, предусмотренных частями второй и третьей настоящей статьи».

Пункт «а» части первой ст. 63 УК РФ (обстоятельства, отягчающие наказание) мог бы выглядеть так:

«а) совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление».

Суд вправе, в зависимости от характера и степени общественной опасности первого преступления, не признавать за ним значения отягчающего обстоятельства [14, с. 40, 41].

Охрана прав и свобод человека и гражданина осуществляется в УК РФ непосредственно (через нормы его раздела VII «Преступления против личности») и опосредованно: (через нормы всех других разделов Особенной части). Вал обрушившихся на страну неосторожных деяний, связанных с привлечением к уголовной ответственности и наказанием лиц, виновных в нарушении требований пожарной безопасности, правил безопасности строительных работ, дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, в

ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей, повлекших многочисленные человеческие жертвы, причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью многих пострадавших, вызвал сильный социальный резонанс, основным содержанием которого явилось возмущение населения страны столь малыми наказаниями (а часто и вообще их отсутствием), назначаемыми судами в отношении виновных по такого рода делам.

Тем не менее упрекать российские суды в излишнем либерализме или попустительстве к преступникам, совершившим по неосторожности столь тяжкие по последствиям деяния, было бы необоснованным и несправедливым. Их ограничивают рамки уголовного закона. Так, при соблюдении вроде бы всех атрибутов соответствия гл. 16 («Преступления против жизни и здоровья») УК РФ требованиям ст. 2 Конституции России социальная ценность жизни и здоровья как объектов охраны по ее отдельным нормам занижена и в сравнении с УК РСФСР 1960 г. Убийство, совершенное по неосторожности, по ст. 106 тогда наказывалось лишением свободы до трех лет, а теперь по закону от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ причинение смерти по неосторожности влечет наказание лишением свободы лишь до двух лет (ч. 1 ст. 109 УК РФ). Снижение наполовину и без того малых сроков наказания за неосторожное причинение смерти и отнесение его основного состава к преступлениям небольшой тяжести (т. е. к самым незначительным преступлениям, находящимся по общественной опасности на грани с административными проступками), уравнивание по опасности лишения жизни человека с такими, к примеру, деяниями, как умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), побои (ст. 116 УК РФ), несправедливы. Парадоксально, но угроза убийством или даже причинением тяжкого вреда здоровью по мотивам политической ненависти наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет (ч. 2 ст. 119 УК РФ). Следовательно, лишь за угрозу причинения тяжкого вреда здоровью (почти всегда без намерения ее осуществить) может быть назначено наказание, в два с половиной раза превышающее максимум наказания за неосторожное причинение смерти. Причем, с одной стороны, может быть сгоряча брошенное слово, а с другой — жизнь. Получается, что такое слово на весах законодателя оказывается в два с половиной раза тяжелее бесценной человеческой

жизни.

То же самое необходимо сказать и применительно к ст. 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности), ответственность по которой за причинение тяжкого вреда здоровью тем же законом от 8 декабря 2003 г. была существенно снижена, а за причинение вреда здоровью средней тяжести — вообще упразднена. При этом следует поддержать рекомендацию научно-практической конференции «Десять лет Уголовному кодексу Российской Федерации: достоинства и недостатки» о признании «ошибочным исключение в статьях УК РФ уголовной ответственности за причинение средней тяжести вреда здоровью человека по неосторожности. Причинение такого вреда, связанного со стойкой утратой трудоспособности до 30% включительно или длительным расстройством здоровья, представляет серьезную общественную опасность и должно влечь уголовную ответственность для виновных лиц» [15, с. 114]. Восстановление после закона от 8 декабря 2003 г. в структуре уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 109, 118 УК РФ, действительной значимости таких объектов, как жизнь и здоровье, важно еще и потому, что эти нормы выступают «базовыми» по отношению ко всем другим нормам, где жизнь и здоровье человека поставлены под охрану в качестве дополнительного или факультативного объектов. Для этого будет достаточным вернуться к первоначальным редакциям ст. 109 (причинение смерти по неосторожности) и ст. 118 (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности) [16]. Законодателю же не надо забывать, что гуманизм — это не столько мягкосердечное отношение к преступникам вне зависимости от тяжести причиняемого ими вреда, сколько достойная уголовно-правовая защищенность гуманистических ценностей, среди которых жизнь и здоровье людей находятся на первом месте.

Нормы гл. 21 УК РФ («Преступления против собственности») в общем обеспечивают охрану собственности как материальной основы создания «вокруг человека современной социальной среды, которая работает на улучшение его здоровья, образования, жилья, условий труда, повышения его доходов и личной конкурентоспособности» [17]. Между тем именно сквозь призму интересов личности: равенства в степени защищенности и ответственности граждан в сфере охраны

собственности — отчетливо видны просчеты, допущенные законодателем при конструировании этих норм.

Так, в п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159.3, ч. 2 ст. 159.5, ч. 2 ст. 159.6, ч. 2 ст. 160 УК РФ предусмотрен такой квалифицирующий признак, как «причинение значительного ущерба гражданину». Согласно п. 2 примечания к ст. 158 УК РФ «значительный ущерб гражданину в статьях настоящей главы определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее двух тысяч пятисот рублей». В данном законодательном определении закреплено неравенство граждан перед законом, обусловленное их материальным положением. Конечно, сторонники этого определения будут настаивать на том, что хищение на одну и ту же сумму причиняет разный ущерб малоимущему и богатому человеку, однако и в том и в другом случае ущерб, причиненный преступлением, один. Здесь определяется не столько неравенство перед законом потерпевших, сколько нарушение данного принципа в отношении лица, совершившего преступление, поскольку часть статьи, по которой будет квалифицировано преступление, зависит не от его действий и наступивших последствий в виде размера ущерба, а от желания либо нежелания потерпевшего подтвердить либо не подтверждать значительность ущерба. В пункте «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159.3, ч. 2 ст. 159.5, ч. 2 ст. 159.6, ч. 2 ст. 160 УК РФ значительный ущерб, причиненный гражданину, является последствием в данных составах. Следовательно, в соответствии с требованиями принципа вины необходимо установить психическое отношение лица именно к причиненному значительному ущербу, т. е. понимание имущественного положения, соотношение размера ущерба и размера трудовых доходов и т. п., чего при совершении преступления нет. Таким образом, ущерб причиняется виновно, а то, что он значительный, относится к категории объективного вменения.

Не совсем удачным является использование в законе термина «гражданин», так как по смыслу уголовно-правовой нормы это положение не относится к лицам без гражданства, однако постоянно проживающим на территории России [18, с. 244—248].

Вместе с тем главным критерием вменения либо невменения квалифицирующего признака «причинение значительного ущерба гражданину»

является мнение потерпевшего. Это мнение высказывается на предварительном следствии, затем там же меняется в виде непризнания значительного ущерба, то же самое происходит и при судебном рассмотрении. Причины изменения оценки ущерба потерпевшим настолько различны, что не имеет смысла их перечислять. Зависимость квалификации преступления от мнения потерпевшего, к примеру от мнения его законных представителей при хищении имущества несовершеннолетнего, не только приводит к большому количеству судебнo-следственных ошибок, но и свидетельствует об объективном вменении.

Полагаем, что такое квалифицирующее обстоятельство, как «причинение значительного ущерба гражданину», необходимо исключить из ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159.3, ч. 2 ст. 159.5, ч. 2 ст. 159.6, ч. 2 ст. 160 УК РФ.

В условиях ясного осознания обществом того факта, что в России не уничтожена почва для совершения хищений на многие миллионы и миллиарды рублей, а то и долларов США, трудно объяснить ограничение санкций за все виды «беловоротничковых» и должностных хищений лишь десятилетиями лишения свободы, тем более что и ст. 164 УК РФ (хищение предметов, имеющих особую ценность) не охватывает особо крупных хищений чужого имущества, не связанных с предметами или документами, имеющими особую историческую, научную, художественную или культурную ценность.

Поэтому необходимо усовершенствовать нормативную основу уголовной ответственности лиц, совершающих хищения чужого имущества в особо крупном размере. Лучшим решением этой проблемы было бы изменение редакции ст. 164 УК РФ, распространение ее действия и на деяния указанных лиц. Изложенное позволяет предложить следующую редакцию анализируемой статьи:

«Статья 164. Хищение в особо крупном размере или предметов, имеющих особую ценность

Хищение чужого имущества в особо крупном размере либо предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, независимо от способа хищения, —

наказывается лишением свободы на срок от шести до двадцати лет.

Примечание. Особо крупным размером в настоящей статье признается стоимость имущества, превышающая десять миллионов

рублей».

В связи с этим из ч. 4 ст. 158, 159, 160, п. «б» ч. 3 ст. 161, п. «б» ч. 4 ст. 162 и ч. 4 примечания к ст. 158 УК РФ должно быть исключено упоминание об особо крупном размере хищения. Такой же особо квалифицирующий признак, как совершение хищения в крупном размере, следует поместить на место исключаемого признака в соответствующие части и пункты частей упомянутых статей УК РФ [19, с. 30—33].

В УК РФ 1996 г. точнее, чем в УК РСФСР 1960 г., определен такой вид общественно опасного поведения, как взяточничество. Вместе с тем эффективному предупреждению взяточничества мешает отсутствие уголовно-правовой нормы, создающей юридическую основу раннего пресечения взяточничества.

По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. наказывались как мздоимство, если «чиновник или иное лицо, состоящее на службе государственной, по делу или действию, касающемуся до обязанностей его по службе, примет, хотя и без всякого в чем-либо нарушения этих обязанностей, подарок, состоящий в деньгах, вещах или в чем бы то ни было ином...» (ст. 372), так и лихоимство, высшей степенью которого являлось вымогательство взятки (ст. 377). Важно то, что требование подарка расценивалось в качестве «действия, составляющего существенный признак вымогательства» и потому признавалось «покушением на вымогательство, за которое виновный подлежал ответственности» [20, с. 483, 487, 494]. При «царизме», таким образом, не церемонились с чиновниками, получающими «некриминальные» подарки и обнаруживающими умысел на их получение.

В нынешних же условиях общество остро нуждается примерно в такой норме уголовного закона:

«Статья 291.1 Предложение дачи или получения взятки

Предложение дачи взятки должностному лицу или предложение получения взятки от такого лица, —

наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет».

Сразу же после принятия УК РФ 1996 г. в юридической литературе, ссылаясь на его декларативность, негативно влияющую «на

соблюдение гражданами его норм и эффективное применение» [21, с. 22], было высказано предложение об издании нового УК. С тех пор декларативность уголовного законодательства отнюдь не уменьшилась. Более того, исчисляемые тысячами нововведения подрвали концептуальную основу УК РФ, многие его нормы вошли в противоречие с принципами уголовного законодательства. Отсюда, казалось бы, следует согласиться с предложением Л. Д. Гаухмана [21]. Однако все не так просто. УК РФ 1990-х гг. при всех его изначальных огрехах был научнее, чем его нынешняя редакция. Его ухудшение произошло в результате законотворческой деятельности. Потому при отсутствии должной связи законодателя с уголовно-правовой наукой (кстати, тоже не свободной от субъективистского восприятия социальных реалий, разноконцептуальной, порой прямо представляющей интересы отдельных социальных групп), наличии политической и коррупционнolоббистской составляющей законодательного процесса новый совершенный Уголовный кодекс сразу же в один момент создан быть не может. Ведь верно более ста лет назад, критикуя Гегеля, «обоготворявшего право», М. П. Чубинский писал: «Такая постановка должна была уничтожать всякий стимул к работе за улучшение права и всякую возможность критического к нему отношения; по существу же она являлась глубоко безжизненной: окруженное ореолом право как бы спускалось с неба, как будто оно не является делом рук человеческих с неизбежными пробелами и недостатками, как будто многовековая борьба за его усовершенствование никогда не существовала, как будто действительность когда-либо представляла право, достигшее идеального совершенства» [22, с. 233].

Никакого проекта, а затем и Кодекса, «спущенных с неба», в современной российской действительности быть не может. Потому единственным вариантом совершенствования уголовного законодательства должно стать его постепенное («шаг за шагом»), научно обоснованное, сбалансированное (отражающее интересы всех слоев населения) улучшение в рамках УК РФ, что возможно, однако, лишь посредством сближения позиций разных групп влияния на законодателя, глубокого и тщательного общественного обсуждения каждого предполагаемого нововведения и, как учит история («многовековая борьба за его

усовершенствование»), здесь не избежать борьбы мнений, концепций, бескомпромиссного отстаивания общероссийских, общенародных интересов.

Список библиографических ссылок

1. Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Инфра-М-Норма, 1997.
2. Мальцев В. В. Слабость порождает вседозволенность. Взрыв терроризма высветил проблемы в законодательстве // Рос. газ. 1996. 24 янв.
3. Мальцев В. В. Об изменениях и дополнениях УК РФ, внесенных 25 июня 1998 г. // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 5: Политика. Социология. Право. Вып. 2. 1999. С. 81—86.
4. Мальцев В. В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования // Гос-во и право. 1998. № 8. С. 104—107.
5. Мальцев В. В. Принципы уголовного права. Волгоград, 2001.
6. Стрилец О. В. Принцип вины в уголовном праве России. Волгоград, 2010.
7. Мальцев В. В. Об избыточности нормы, предусмотренной частью 2 статьи 24 Уголовного кодекса Российской Федерации // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. Ч. 1. С. 46—54.
8. Стрилец О. В. Отдельные аспекты назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств // Становление и развитие современного российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства (к 10-летию УК РФ, 5-летию УПК РФ и 40-летию ВА МВД России). Волгоград, 2008. С. 62—68.
9. Мальцев В. В. Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств // Уголовное право. 2004. № 4. С. 33—35.
10. Лунеев В. В. Вступительное слово. Научно-практическая конференция «Десять лет Уголовному кодексу Российской Федерации: достоинства и недостатки» // Гос-во и право. 2006. № 9.
11. Мальцев В. В. Общественный порядок как объект уголовно-правовой охраны от преступлений экстремистской направленности // Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями экстремистской направленности. Волгоград, 2010. С. 38—49.
12. Мальцев В. В. Очень странное изменение в законе // Цит и меч. 1999. № 26 (694). 1 июл.
13. Мальцев В. В. Учение об объекте преступления: в 2 т. Волгоград, 2010. Т. 2. Объект преступления: роль в составе преступления, законодательстве и его реализации.
14. Мальцев В. В. Рецидиву и судимости — адекватное выражение в уголовном законе // Законность. 2011. № 7. С. 40, 41.
15. Клебанов Л. Р. Десять лет Уголовному кодексу Российской Федерации: достоинства и недостатки // Гос-во и право. 2006. № 9. С. 107—114.
- ¹6. Российская газета. 1996. 18, 19 июня.
17. Путин В. В. Национальный проект: долгая и здоровая жизнь // Рос. газ. 2008. 29 февр.
18. Стрилец О. В., Канубриков В. А. О соответствии признака «причинение значительного ущерба» принципам уголовного законодательства // Развитие криминологии и криминологических основ совершенствования законодательства о борьбе с преступностью. Волгоград, 2011. С. 244—248.
19. Мальцев В. В. Преступления против собственности: дифференциация ответственности и устранение пробелов в законодательстве // Рос. юстиция. 2008. № 10. С. 30—33.
20. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Петроград, 1916.
21. Гаухман Л. Нужен новый УК РФ // Законность. 1998. № 7. С. 22—25.
22. Чубинский М. П. Курс уголовной политики. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1909.